

*Марат**Масалин*

ЛЕГЕНДА О КАЖСКЕЛЕН

Подъезжая к Каскелену со стороны городка Узун-Агач, можно увидеть гранитную стелу, занимающую одну из возвышенностей по правой стороне автотрассы. Сооружение это появилось там в конце девяностых годов прошлого столетия, в память победоносной битвы казахского войска над войском порабитителей – джунгар. Битва эта произошла почти за триста лет до наших дней. О ней написано множество научных статей, диссертаций, монографий, проводились в разные годы представительные научно-практические конференции, сняты кинофильмы. Воспеваются настоящие герои, которые приносили себя в жертву ради блага отчизны. Описывая события того времени, почти все авторы в пылу увлечённости создают картину чуть ли не идеальной жизни после достопамятной битвы: земля Семиречья полностью и навсегда очистилась от присутствия джунгарского лика и духа, исконные жители зажили без тягостных для себя влияний чужеземцев, спокойно, соблюдая и развивая свою национальную самобытность. Но некоторые легенды и историко-этнографические факты говорят о другом: и после изгнания неприятелей ещё немалое время продолжались столкновения между враждующими сторонами. Более того, есть немало свидетельств того, что в быту и памяти населения нашего края закрепились некоторые признаки влияния культуры джунгарского этноса, привнесенные даже после того, как два народа навсегда обособились друг от друга в результате беспощадных кровавых битв. Одним из примеров тому – слово Каскелен, данное нашими предками джунгарскому воину как прозвище. Оно потом присваивалось и горной реке, и местности, где позже возник одноименный городок. Природа вечна, а географические образования на ней тоже живут очень долго. Почему память о неприятельском воине была увековечена казахами так щедро? Есть одна легенда... Как всякая легенда, она соединила в себе и правду, и вымысел, и трудно их теперь разъединить.

Легенду эту лет двадцать тому назад мне рассказал старый человек – пенсионер, в прошлом – этнограф, проживающий в степи Сартау-Кума, что на территории Куртинского района Алматинской области.

* * *

Приближался полдень. Майское солнце приятно пригревало землю, покрытую буينو растущим молодым разнотравьем. На равнине паслась отара овец. По краям пастбища, на возвышенностях маячили четыре сторожевых пса, зорко охраняя

скот от незваных гостей. Лошади наши со спутанными передними ногами, под седлами, но с ослабленными подпругами, тоже паслись невдалеке от нас. В костре догорали кустарниковый сухостой и куча кизяка.

– Знаешь, – сказал старец, – ты напрасно взял сюда, в степь, городские бутерброды. Это даже вызывает у меня некоторую обиду на тебя, будто я не смогу накормить обедом своего гостя.

– Что тут обидного? Мы угостим сейчас друг друга, чем запаслись. Айда, до станем пайки наши и начнём подкрепляться, – ответил я, ничего не подозревая.

– Возьми-ка из той котомки скатерть и расстилай на траву. А я принесу сюда блюдо, специально приготовленное для тебя.

Старец встал, вынул из кармана плаща кожаные перчатки, натянул их на руки, затем, отстегнув от пояса маленькую лопаточку, подошёл к потухшему костру, разрёб золу, быстро вскопал землю и из образовавшейся ямы осторожно вынул довольно увесистый предмет, похожий на камень, отколотый от валуна.

– Что это такое?

– Мясо-тушёнка. Её нет в меню ни одного ресторана наших городов.

И я впервые в жизни ел мясо, весьма вкусное, аппетитно пахнущее хорошо сваренной свежей бараниной, расплавленным жиром мозговых костей и духом степных растений. За трапезой старец затеял интересный рассказ.

– Этот способ приготовления мяса без единой кухонной утвари завезли в наши края джунгары ещё в те далёкие, тяжёлые для нас годы. Он пришёлся по вкусу казахским пастухам, проводящим долгие скучные и полуголодные дни в степи с отарой овец. Как всё это делается? Слушай и запоминай. Из туши свежезарезанного барана вынимаются и выворачиваются наизнанку пищевод и желудок. Затем через нижнюю часть желудка наполняется слегка подсоленными отборными филейными кусками, губчатыми костями небольших размеров, и заправляется всё это специей из съедобных полевых травок. Дальше мясной «мешочек» снизу надёжно завязывается сухожилием, обмазывается снаружи слоем земли, смоченной кровью, и неглубоко закапывается в землю. При этом пищевод, соединённый с длинной камышовой трубкой и тоже обмазанный слоем мокрой земли, служит отдушиной. Над закопанной ямой разводится костёр. Тушёнка будет готова часа через три. Если после первой трапезы останутся несъеденные излишки, то их в том же желудке-вместитище можно снова закопать там же. Заначка эта пригодна к употреблению и завтра, только нужно хорошо «подогреть» её предварительно тем же способом. А зарытый «клад» не тронет ни один степной хищник, потому как он боится свежей золы с головешками.

– Надо же! Разумно!

– Должен сказать, джунгары к труду скотоводов и к самим скотоводам относились с большим уважением. При них семья пастуха жила в серой юрте из пяти крыльев, сам пастух имел отборных сменных коней, носил кинжал, саблю и лук со стрелами. Что же касается пяти-шести десятков барашков, съеденных им за лето, то это считалось обычным делом, за это никакого спроса не полагалось.

Разливая по деревянным чашечкам прохладный трёхдневный кумыс из жанторсыка¹, я задал ему вопрос:

– Вы знаете народные предания о джунгарах, отличные от официальных источников?

¹ Поясная фляга.

– Как тебе сказать? Трудно, конечно, поспорить с учеными историками. Но в некоторых вопросах они иногда расходятся с легендами о былом. Особую досаду вызывает то, что они обходят молчанием или поверхностно и искажённо освещают быт джунгар, а также взаимоотношение их с казахами, и жизнь самих казахов за те три десятка лет господства джунгар на завоеванной ими территории. Наука должна опираться на достоверные факты. Представлять джунгар только зловредными и жестокими, или глупыми, карикатурными людьми, как это делают некоторые наши современные сценаристы и режиссёры кинофильмов, неправильно. Это был имеющий самобытную культуру, письменность, трудолюбивый, храбрый, воинствующий, но загнанный в угол ходом истории народ, заслуживающий отдельную нишу в нашей памяти. Жаль, что он не смог сохранить свою государственность... Одна девица из моего рода, в двенадцатом колене, была замужем за джунгарским парнем, была любима не только мужем, свекром и свекровью, но и всем их племенем, населявшим тогда Семиречье...

– Вот как? Расскажите!

* * *

Джунгарский бахадур² Лодойдамба, наместник самого хонтайджи³ в Семиречье, женил своего старшего сына Максаржаба, недавно достигшего восемнадцати лет. Жених невесту выбрал сам из племени кереитов⁴, исповедующего тенгрианство и населяющего долины Алтая. Родителям девушки был выплачен большой выкуп – калым. Торжества по случаю проводов невесты продолжались три дня и три ночи. Съехалось много гостей, из ближних и дальних округов. Обилие угощений, разноголосые весёлые песни, танцы и зажигательные пляски, скачки и состязания по борьбе и по различным видам воинского искусства на призы – все это запомнилось собравшемуся народу, как яркое событие года.

Утром четвёртого дня свадебный караван тронулся из урочища Зайсан, родины невесты, и направился в сторону равнины Аяк-Калкана, расположенной на левом берегу реки Или. Молодая супруга Тойсу попросила мужа своего провести дома свадьбу ещё пышнее, чем были её проводы.

Родители Максаржаба пришли в восторг и умиление, увидев невестку – юную красавицу, нежную душу с хорошими манерами, и полюбили её с первого взгляда. Они повелели своим родственникам тоже полюбить её, а многочисленным слугам и челяди – служить и подчиняться ей во всем, беспрекословно выполнять все её желания и прихоти. Да, следует особо отметить, что отлично знавший казахский язык Лодойдамба по обычаю своего народа присвоил Тойсу второе, ласкательное имя: Жаскелин, что в переводе на русский означает «юная сноха». Джунгары произносили звуки «ж», «с», «и» на свой манер, вычурно, от этого в их устах новое прозвище Тойсу звучало как «Кажскелен».

Для достойного проведения свадьбы сына Лодойдамба срочно перевёл свою ставку из Аяк-Калкана в урочище Капчагай, находящееся тоже на левом берегу Или. Там равнины были широкие и грунт сравнительно твёрдый, что удобно для размещения множества юрт, проведения конно-военизированных и силовых состязаний. Затем он снарядил и отправил в разные стороны степи шабарманов – глашатаев с

² Высший воинский чин.

³ Глава джунгарского государства.

⁴ Одно из племён казахского этноса.

поручением проехать рысью дневное расстояние и пригласить на свадебные торжества гостей из белых и серых юрт, состоящих из пяти и шести крыльев⁵. Главным распорядителем свадебных торжеств Лодойдамба назначил казаха по имени Сайхын.

– Ты знай, расходы, которые я понесу для проведения этой свадьбы, не будут стеснять меня. Слава Будде, я достаточно богат. Да и приглашённые гости придут сюда не с пустыми руками. Дай волю своей фантазии и размахнись так, чтобы народ запомнил мой праздник и долго-долго вспоминал потом эти дни, этот год и имя моё. Чтобы было обильно, сытно и вкусно. Чтобы было торжественно, весело, красиво и разнообразно. Чтобы этот праздник не был похож на другие. Чтобы здесь творилось или происходило м-м... такое, чтобы оно потом стало легендой. Думай и предлагай смело, чтобы не было недостатка в изыске, роскоши, пышности и новшествах. А я дам приказ, чтобы мои люди организовали, смастерили, соорудили всё, что ты скажешь. Вы, казахи, умеете проводить праздники, если захотите. А за труды свои ты получишь от меня отборную верблюдицу с верблюжонком, кобылицу с жеребёнком, хорошего выездного коня-пятилетку и шестикрылую белую юрту со всей утварью. Теперь действуй! Лодойдамба дважды не говорит! – наставлял бахадур своего подрядчика.

По совету Сайхына на некотором расстоянии от аула Лодойдамбы, на ровном поле, в определённом порядке были расставлены двести сорок юрт, взятых у степняков на прокат, сроком на пять дней. Белые из пяти и шести крыльев предназначались для почётных гостей, серые, тоже из пяти и шести крыльев, – для знати среднего ранга и для их нукеров-сподвижников. Было задумано размещать женщин отдельно от мужчин. Пол этих жилищ был застлан алаша⁶, поверх него расстилался узорчатый текемет⁷, затем ворсистый ковёр, а на нем лежали выделанные мягкие шкуры медведя, волка, снежного барса и подушки в цветастых шёлковых наволочках. Количество звериных шкур и подушек соответствовало численности будущих постояльцев каждой юрты. Для отпугивания мышей, мух, муравьёв и прочей живности по окружности пола под алаша были уложены стебли и листья жасмина, пижмы, мяты, у входа к створам привязывались большие букеты райхона – базилика. В каждой юрте под сводом висели канделябры со свечами, у левого босага⁸ находился кулдреуш⁹ с набором посуды и ковшей, а рядом с ним устанавливалась саба¹⁰ и круглый стол на коротеньких ножках. Разливом и подачей кумыса, вина и бозы – степной водки должны были заниматься опытные виночерпии. В каждом жилище имелся набор для забавы – казахские, джунгарские и русские музыкальные инструменты, игральные карты, нарды, шашки, шахматы, тогуз-кумалак.

Трудным оказался вопрос о заготовке кумыса, которого понадобится очень много, причём трехдневной выдержки. Держать возле праздничного аула многочисленные табуны дойных кобылиц было неудобно по многим хозяйственным соображениям. По совету Сайхына, Лодойдамба обязал всех состоятельных джунгар Семиречья доставлять в пирующий аул готовый кумыс в достаточном количестве и бесперебойно.

⁵ Чем больше крыльев-створов и светлее кошмы юрты, тем хозяин её богаче.

⁶ Палас домотканый.

⁷ Толстый войлок.

⁸ Левое крайнее крыло юрты.

⁹ Украшенный резьбой и крашенный стеллаж из дерева в три ряда для хранения столовой посуды.

¹⁰ Ёмкость для хранения кумыса, изготавливается из кожи лошади.

На значительном расстоянии от гостевых юрт находилась группа серых юрт – полевая кухня, где, не покладая рук, днём и ночью должны были трудиться многочисленные повара, судомойки, мясники и подсобные рабочие. Между кухней и гостевыми юртами должны были курсировать вскачь верховые доставщики угощений. Большие лохани с готовой едой у них должны были принять пешие раздатчики, чтобы подать их тут же в горячем виде на дастархан¹¹ гостей. Над работниками кухни стояли приказчики, которые имели в руках дастархан мазери¹² с названиями блюд на каждый день праздника. Бойня находилась в значительном отдалении от кухни.

А для любителей чайной церемонии посередине праздничного аула была поставлена белая юрта из восьми крыльев со всеми удобствами, причем здешний обслуживающий персонал – молодых джунгарок – должны были наставлять казашки, знающие толк в чайных делах.

В некотором отдалении от этих жилых юрт, на тыльной стороне их, располагались юрты-нужники, каждый из четырёх крыльев, покрытые черной кошмой. Возле каждой такой юрты имелись рукомойники, тазы, пахучее китайские мыло и полотенца, кувшины с пучками сухого камыша – фитили, пропитанные воском, а в помещении, в грунте, находились глубокие ямы, над ними «сидушки», собранные из свежевystруганных досок, стопки мягкой китайской бумаги, у стен – куча сухого речного песка, лопата, а под сводом – канделябр со свечами. На стыках юрты с землей были густо уложены стебли базилика, багульника и пижмы. Вокруг и внутри помещения порядок поддерживали рабы-китайцы, взятые в плен на войне.

Предметом особой заботы Сайхына было сооружение коновязи и площадей, где будут происходить различные мероприятия для развлечения гостей.

По указанию Сайхына парни-джунгары на восточной, южной и западной окраинах аула вкапывали в землю толстые сосновые брусья-кругляки, затем их связывали между собою туго натянутыми волосяными арканами. Получалось керме, куда будут подъезжать гости и привязывать коней за поводья. Рядом с керме из брусьев сооружались стеллажи для хранения седел и сбруи. Встречать и провожать гостей, а также уход за их лошадьми поручалось этим же молодым людям.

Площади, выделенные для проведения состязаний борцов, бегунов-скороходов, стрелков из лука, потешных поединков на саблях, джигитовки, песенно-музыкальных мероприятий, поливались речной водою несколько раз в течение дня. Ради сохранения травяного покрова в хорошем состоянии до начала праздника доступ сюда был запрещён всем жителям аула. На этих же площадях сооружалось несколько алты-баканов – качелей из свежеструганных, пахнущих смолой, стройных сосен. Для освещения арен праздника в ночное время по окружности их ставились столбы, к ним прикреплялись медные кувшины с камышовыми фитилями, пропитанными воском.

Скачки решено было проводить в последний, третий день пира, в урочище Шошкалы, которое находилось в пяти верстах от аула.

Главным затейником праздника был определен казах по имени Жумагали, а вершителем конно-силовых и военизированных соревнований – хорошо из-

¹¹ Скатерть, куда подаются угощения.

¹² Меню.

вестный в округе джунгарский ноян Хатон-Батор. Учреждались призы по видам мероприятий, которых оказалось около сорока. Результатами трудов Сайхына Лодойдамба был доволен.

* * *

Настал момент сказать о том, как вообще джунгары оказались в Семиречье. По свидетельству истории, в начале 17-го века власти Цинской империи решили прибрать к рукам земли Джунгарии, и для этого они начали военные действия большой активности. В войне с Поднебесной джунгары были обречены на неминуемое поражение, так как силы были слишком не равны. Захватчики поставили своей целью приобретение новых земель без исконных жителей, что означало истребление или изгнание всего местного населения с его этнической родины навсегда. Испытав ужасы одного за другим проигранных кровопролитных сражений со всесильным противником, вожди Джунгарии придумали необычный план спасения нации: нужно было войскам быстро перейти западную границу и завладеть юго-восточными землями мирной, беспечной Казахии, туда же переселиться всем народом, создать там обновлённую Джунгарию, оставив родные края врагу. Они понимали, что всё это очень печально и нелегко исполнить, но неумолимый приговор истории подталкивал их к решительным действиям.

Удар на Казахстан был внезапным, мощным и жестоким, насколько могут быть жестокими и мощными действия хищника, оказавшегося под угрозой скорой гибели, но имеющего шанс выжить, если будет драться безжалостно, изо всех сил. Напав на Казахстан, джунгары, как и китайцы, придерживались тактики «захвата территории без исконных жителей её».

Застигнутые врасплох, казахи не смогли успешно противостоять врагу. На полях брани за короткое время полегли их дружины, собранные наспех. Большинство аулов, оставшихся без защитников, подвергалось разграблению, а пытавшихся оказывать сопротивление жителей убивали. Главы уцелевших родов спешно уводили своих сородичей далеко на юг и запад, к долинам рек Арыс, Сыр-Дарья, Иргиз-Жем, Сагиз и Ойл. Многие беженцы погибли в пути от жажды, голода, холода, ран и болезней. Неприятель преследовал их до пустынных и полупустынных уголков Казахстана. В легендах народных и рукописях восточных летописцев людской ущерб, понесённый казахской стороной в этой войне, определяется фразой: «В отбасы¹³ из семи человек уцелели двое, из пяти – один».

Были и такие аулы, которым пути к бегству были отрезаны наступающим врагом. Они быстро откочевали в пески и полупустынные окраины Семиречья. Им казалось, что джунгарам не нужны неудобные уголья и посему они оставят их в покое.

Тут старец повернулся ко мне и, подняв указательный палец вверх, продолжил рассказ следующими словами:

– Всё это в трудах историков и писателей описано в основном правдиво. Но вот касательно того, как жили и уживались захватчики и коренное население завоеванного края на бытовом уровне, об этом в доступной мне литературе я не встретил сведений, опирающихся на факты. Дальнейшее, как я уже предупредил тебя, изложу по воспоминаниям моего деда, а ему их оставили его предки. Память тянется из глубины веков.

¹³ Семья казаха.

Проходили годы. Обживая добытые в бою тучные просторы, овладев оставленным беженцами имуществом и скотом, которому не было числа, захватчик торжествовал. Первое время молодчики джунгарских ноянов, наскочив на казахские аулы, угоняли их скот, брали пленниц. Но вскоре вожди стали наставлять своих воинствующих соплеменников перейти к мирному сосуществованию с малочисленными представителями побежденного народа, приблизить их к себе, тесно общаться с ними, чтобы, в конечном счёте, растворить их в подавляющей джунгарской среде смешением крови. Во все времена это было одним из способов укрепления власти завоевателей на вновь захваченных ими землях другого государства. Для джунгар было ясно, что теперь казахи не представляют угрозы, они не затеют восстания или большой войны, целью которой могло бы быть изгнание пришельцев обратно, за Ала-Тау.

Коренным жителям порабощённого Семиречья жилось очень трудно. Без волеизлияния бахадура и ноянов не решался ни один вопрос ведения хозяйства, торговли, конфликты местного населения с джунгарами рассматривались больше в пользу последних. Ради собственного выживания казахи были вынуждены всячески стараться строить мирные отношения с господствующими чужеземцами.

На первых порах джунгар и казах, разговаривая между собою, каждый на своём языке и с помощью жестов, могли понимать только суть беседы. С течением времени общение их становилось более свободным, так как и джунгары, и казахи переняли друг у друга много слов. Общение это привело к тому, что они запомнили и узнавали друг друга при следующей встрече и здоровались. Подобные встречи повторялись. И вот постепенно знакомцы уже не думали о том, что каждый из них человек из вражеского стана. Каждый из них понимал, что всё время чувствовать врага утомительно, гораздо приятнее было бы довериться. Жить, пребывая в благодушном состоянии, вольготнее и посему более естественно, чем быть вечно подозрительным и находиться на чеку. По прошествии пяти-семи лет или около того, как утих ураган войны, так или примерно так рассуждал не один джунгар и не один казах, обитавшие по воле судьбы в одной, для обоих, общей среде. Но при этом неравенство их в правах не забывалось ни одной из сторон.

Жизнь в степи постепенно входила в спокойное русло. Теперь проезжий всадник-джугар не объезжал попадавшиеся на его пути казахские аулы, останавливался у крайней юрты, здоровался с хозяевами, просил дать попить и, утолив жажду кумысом, благодарил за угощение и уезжал очень довольный. Вникая в смысл казахской поговорки «таспен ұрғанды аспен ұр»¹⁴, он удивлялся и восхищался мудростью народного изречения, цокал языком, кивал головой.

Джунгарам многое нравилось в быте и обычаях казахов. Прежде всего их приятно поражало казахское гостеприимство. А кумыс их оказался лучше джунгарского. Казахы употребляли только трёхсуточной выдержки кумыс, который очень легко усваивается, облегчает пищеварение, превосходно утоляет жажду, не даёт полнеть, приятно бодрит, даже может веселить и пьянить, если выпьешь много. Кроме того, сабу или кубу¹⁵, где квасится и хранится кумыс, казахи регулярно подвергали обработке копчением над пламенем куртк-ашаш¹⁶ или тобылгы¹⁷,

¹⁴ «Не будь злопамятным».

¹⁵ Емкость из древесины для квашения и хранения напитков из молока.

¹⁶ Растение для обработки саба и кубу копчением, используются корневища и стебли.

¹⁷ Кустарниковое из семейства кипарисовых.

что придавало напитку особый, неповторимый привкус и постоянную свежесть. Джунгары ничем не обрабатывали ёмкости для хранения кисломолочных продуктов, не выдерживали кумыс должным образом, отчего он либо не доходил и оставался приторно сладким, либо, перебродив, становился горьким.

Джунгары обратили внимание и на чаепитие казахов, возведённое ими в ранг церемонии, которой удостоивались только самые почётные гости. Непременными атрибутами этого обряда являлись фарфоровый чайник – тас-куман, полупотухший уголь в маленькой сковородке с тремя ножками, самовар и, конечно, чай лучших сортов, а также кипячёное козье молоко с кусочками пльвуна-каймака из пенки. Джунгарские женщины, привыкшие варить чай, как баланду, в котлах, бросив туда куски чайной плитки, пригоршни злаков и соли, ковши молока, по требованию своих мужей учились теперь у казашек готовить чай по их рецептам. В дальнейшем в джунгарскую кухню вошли конские изделия и другие деликатесы казахов.

Притягивали джунгар к себе ещё казахские тои, когда жильё украшается с особым изыском, проводятся различные, полные глубокого философского смысла действия и обряды, подаются на дастархан в определённом порядке различные угощения в изобилии. А люди, в особенности девушки и парни, наряжаются красиво и со вкусом, и, главное, они прекрасно поют, танцуют, виртуозно играют на домбре и кобызе. Эти инструменты, несмотря на свою внешнюю простоту, обладают универсальными возможностями и приятной звучностью, на них можно хорошо сыграть музыку любого народа мира. А в завершение праздника – алтыбакан и поиски ак-суйек¹⁸. Все это потрясало воображение чужестранцев не только песнями-забавами, но и житейской мудростью.

Джунгары признавались, что они свои праздники проводят не так интересно и красиво, как казахи. И вскоре был заведён новый порядок: зажиточные бахадурь и нояны нанимали казахских мужчин распорядителями своих праздников, судьями конно-военизированных состязаний. Они также приглашали жителей казахских аулов принять участие в этих торжествах и жаждали видеть у себя не столько глав родов их – аксакалов, сколько их жён, дочерей, снох и взрослых сыновей. Гости эти были украшением пиров, они изумляли собравшуюся публику своими нарядами, манерами, песнями, танцами, состязаниями в исполнении музыкальных номеров на кобызе и домбре и различными смешными затеями. Такие праздники запомнились надолго, приносили хозяину и организатору уважение соплеменников.

Было чему удивляться, даже учиться и казахам у джунгар. Эти крупные, мускулистые, смуглые люди, с грубоватыми манерами, не были мастерами витиеватых речей и словоизлияний, не стремились к соблюдению мудрёных обычаев далёких предков, «без пользы усложняющих жизнь, да и только», были равнодушны к утончённым бытовым удобствам, особо не заботились о накоплении богатств, предпочитали кочевой образ жизни оседлому. Они в хозяйстве и политике придерживались ясных, но не всегда лёгких в исполнении путей и способов, приносящих скорый и реальный результат; исповедуя буддизм, были свободны от мистики и предрассудков, к которым располагают иные религии. Дети их с пяти лет садились на лошадь, по достижении юношеского возраста становились обладателями бескару¹⁹. Любой взрослый джунгар легко ловил из табуна и объезжал буйного коня,

¹⁸ В конце праздника взрослый бросает «в ночь степи» старую, побелевшую от времени кость животного. Молодёжи разрешается отправляться «на поиски» этой кости.

¹⁹ Набор оружия для воина, куда входят пика, сабля, кинжал, лук со стрелами и курзу – палица.

являлся искусным охотником, знал немало секретов выживания как в пустыне знойным летом, так и въюжною зимою в горах и на равнине. Джунгары, как и казахи, не имели регулярной армии, но при необходимости любой юноша и ещё не совсем старый мужчина по первому кличу ноянов на боевом коне, с оружием являлся на место сбора. Воевали они умело, смерти на войне не боялись. Для них гибель на поле сражения считалась вехой на пути восхождения к духовному совершенству и Будде.

Два народа приноравливались друг к другу. Однако настоящей дружбы между ними не было. Казахов пугало боевое оружие джунгар. Они, кроме бес кару, имели ещё и ружья со штыком, пистолеты, пушки на колесах и мортиры, которые можно перевозить на двухколесной повозке или на верблюде.

Казахи желали освобождения от ига чужеземцев, но сил было мало для восстания, и не знали, откуда следует ждать помощи. А те соплеменники, которые много лет назад, став беженцами, ушли от них далеко на запад и юг, не подавали никаких вестей. Семиречинские джунгары сохраняли связь с родственными племенами северо-западной части своей этнической родины, которая ещё не была полностью заселена китайцами. А ставка хана джунгар – контайджи теперь располагалась на казахской стороне.

Жизнь брала своё. Общение между казахами и джунгарами становилось регулярным и более тёплым, чем прежде. Теперь никого не удивляло появление молодых людей с той стороны на казахском алты-бакане, с этой стороны – на джунгарских званых вечерах-праздниках.

* * *

Но вернёмся в аул Лодойдамбы на Капчагае.

С утра первого дня свадьбы к юрте Лодойдамбы выстроилась очередь из гостей-мужчин, желавших поздравить его с женитьбой сына. По совету Сайхына юрта бахадура была сооружена с двумя дверьми: входная на фасаде и выход сбоку, что ускоряло прохождение людского потока. Войдя в юрту, каждый гость, стоя перед Лодойдамбой и его женою – матерью Максаржаба, держал короткую речь, которую заканчивал словами о том, что его люди в данный момент подгоняют к табуну хозяина торжеств подарок из столько-то голов лошадей или верблюдов,²⁰ а невесте и жениху будет оказана отдельная честь на смотринах. Лодойдамба благодарил за тёплые слова приветствия и дары.

Публика ждала появления хозяев торжества. Между рядами гостевых юрт на земле были расстелены цветастые алаша, образующие непрерывающуюся дорожку. На неё и ступили молодые. Тойсу вся в белом: длинном шёлковом платье с оборками и шлейфом, велюровом камзоле с пуговицами из крупных жемчугов, саукеле,²¹ украшенном бриллиантами, с вуалью, и Максаржаб в костюме джунгарского воина. Ритуал беташар²² совершили девушка-казашка и парень-джунгар. Дальше муж и жена пошли, взявшись за руки, и время от времени слегка кланялись то в правую, то в левую сторону, где шеренгами стояли мужчины и женщины – гости свадьбы. С двух сторон на супружескую пару летели шашу²³ – завернутые

²⁰ В степи богатым людям дарить коров или баранов не было принято.

²¹ Традиционный головной убор невесты.

²² Снятие вуали с лица невесты.

²³ Обряд осыпания молодых сладостями и драгоценностями.

и завязанные в куски материи драгоценности, пригоршни серебряных и золотых монет, бумажные русские и китайские деньги – все это вместе с записками, где значились имена дарящих. Шедшие следом доверенные люди подбирали и складывали шашу в крашенные узорчатые деревянные тележки, которые они катили впереди себя.

Все три дня праздника были насыщены интереснейшими и приятнейшими для гостей событиями. Светлое время суток заполнялось трапезой, созерцанием состязаний силачей, стрелков, бегунов, фокусников, жонглёров. Устраивались и скачки. Были и встречи, знакомства, разговоры мужей степи на торгово-хозяйственные и политические темы, а их жёны – матери почтенных семейств, обсуждая разные житейские вопросы, совершали прогулки по лужайкам. Отдельно от них гуляла молодёжь по лугам и по берегу реки. А с наступлением ночи на площади для алтыбакана зажигались многочисленные факелы, и с этого момента люди – молодые и взрослые – окунались в чарующий и пьянящий мир песен, музыки, танцев и других, веселящих душу забав.

Легенда гласит о том, что на этой свадьбе невеста стала понимать, что у неё к мужу нет той любви, которая, как поётся в песнях и сказывается в сказках, неумолимо и нерушимо сближает сердца. В первый же день свадьбы душа её временами переставала слушаться голоса разума, невеста стала отвлекаться от суженого, который не разлучался с нею, был нежен и внимателен к ней. Причиной этой неожиданной перемены в ней были влюблённые пары – гости алтыбакана, которые находились в таком состоянии, которое можно назвать особенным и совершенным. Они, занятые друг другом, выделялись среди остальных. Глаза у влюблённых сияли. Толпа смотрела на них с большим интересом: некоторых брала зависть, другие восхищались ими. А взрослые и пожилые приходили в умиление: было им приятно видеть поросль, раньше не замечаемую, а теперь явившуюся к ним неожиданно, показавшую свою, тайную прежде, страсть и влюблённость. Казалось, что эти влюблённые щедро излучают радость и красоту – в ночь празднующей степи; не музыканты, певцы и плясуны, а именно они накаляют жар веселья. А Тойсу и Максаржаб – молодожёны, ради которых затеян праздник, составляют лишь торжественную сторону его. Что ценнее и интереснее из этих двух картин: любовь, оживляющая и активно двигающая человека к восхождению на вожделенную вершину, или торжественность и успокоенность, ставшие наградой для взявших эту высоту? Они – вот уже полмесяца супруги. Но Тойсу ещё ни разу не испытала горячего, пленительного чувства к Максаржабу, как те девушки к своим парням. Если не сейчас, то когда оно, такое чувство, должно появиться? Неужели она никогда не познает того загадочного и обольстительного состояния, в коем пребывают вон те без вина и кальяна опьяневшие пары, которым ничего не нужно, кроме друг друга?

Она, находясь рядом с мужем, почувствовала себя одинокой. Более того, она произвольно грезила о некоем молодом человеке, которого ещё не встретила и не знает, но если он появится возле неё, то обязательно сделает её тоже особенной, пылкой, парящей в другом, сказочно красивом мире. Тогда она тоже станет похожей на тех девушек, которые сейчас с парнями на качелях улетают в сады перште²⁴, где и человек может побывать, но только будучи влюблённым и любимым. О Тенгри! О чём она мечтает и рассуждает?! Она ведь уже замужняя,

²⁴ Ангелы, которые в легендах европейских народов именуется Херувимами, Амурами и Купидонами.

идёт её свадьба... Краска стыда залила её щёки. Но почему возникли эти мысли у неё? Неужели она не любит Максаржаба?! Нет, нет, глупости это! Сумасбродство настоящее! Она, должно быть, любит мужа своего, она просто ещё не научилась узнавать любовь, не разбирается толком в ней по молодости возраста. Ей делается страшно и стыдно. Она пытается отогнать глупые мысли. И чтобы они не появлялись вновь, закрывает глаза...

Да, в свои шестнадцать лет она ещё толком не знала, что такое любовь, просто была любима родителями, веселилась и капризничала, как дочь богатого и влиятельного отца, была оберегаема соплеменниками, скакала на коне, вместе с парнями охотилась на зверей, хорошо стреляла из лука, метко бросала пику, ловко рубила лозу саблей. Многие молодые люди в её ауле и окрестных вздыхали по ней, признавались ей в любви, посвящали стихи и песни, однако ни один из них не смог влюбить её в себя. Когда приехали к ним домой джунгары, новые хозяева края, сосватать её за приятного молодого человека, которого они привезли с собою, на вопрос отца и матери о согласии или несогласии её выходить замуж за того, она сказала: «Он – вроде ничего... Разговаривает по-нашенски. Решайте сами». Она так сказала потому, что жених ей понравился с первого взгляда. Кроме того над нею с некоторых пор стало довлеть мнение сородичей о том, что «в её возрасте девушка должна быть уже выдана, а то засидится, или, не приведи Тенгри, может оказаться в неудобном положении». С недавних пор она стала сознавать, что для девушки замужество неизбежное дело, и оно произойдёт, когда исполнится ей шестнадцать лет, что это так же естественно и неотвратимо, как и то, что восходит и заходит солнце, ждала, что в любое время её могут сосватать, затем её выдадут. А о том, что такое любовь, с кем следует связать судьбу, что брак бывает разный: по любви, случайный, вынужденный или по расчёту, чем может обернуться неудачное замужество – обо всем этом она толком ничего не знала.

* * *

Отшумела свадьба Максаржаба и Тойсу. Праздник этот надолго запомнился жителям Семиречья своим великолепием, и у Лодойдамбы вырос авторитет среди соплеменников, а также богатство его приросло новыми табунами скота, казной в деньгах и драгоценных камнях. А молодые зажили отдельным аулом, вблизи стана родителей, буднично, в мире и согласии.

В это время в степи Сартау-Кума, находящейся на значительном расстоянии от равнин Капчагая, некий молодой казах по имени Жабайхан пас табуны лошадей джунгарского нояна Хатон-Батора. Был он из семьи воина, раненного на войне с захватчиками края, питал к ним ненависть, но настроение своё искусно скрывал. Неделю назад он тоже был среди зрителей алты-бакана аула Лодойдамбы и на беду страстно влюбился в Тойсу. От безнадежной любви каждый страдает по-своему. Жабайхан, лишившись покоя, постоянно грезил о ней и стал мечтать о встрече с нею, хотя сознавал, что таковая, если она и чудом произойдёт, не только не облегчит, но наверняка усугубит его положение, ещё раз доказав несбыточность его желаний.

И случай свёл их довольно скоро. Однажды, к полудню, в стороне от табуна, который направлялся к колодцам, он увидел пыль в степи. Вскоре показался всадник, преследующий рогача-сайгака. Расстояние между ними увеличивалось на глазах. Жабайхан обрадовался поводу развлечься, душу отвести, дал коню шен-

келя, снимая на скаку аркан с торока. Его свежий скакун стал настигать сайгака. Забить его плетью было бы недостойно настоящего джигита. Он метнул снасть, петля которой точно села на рога зверя. В это время подскакал к нему всадник. Им оказалась Тойсу!

– Возьми! Сайгак теперь твой! – сказал он, забыв в растерянности поздороваться, и конец длинной верёвки вложил в её руки.

– Как это у тебя ловко получается! Я раньше не видела такого приёма! – сказала она и, смутившись отчего-то, покраснела.

– Тойсу, я тебя знаю и часто думаю о тебе! Но не надеялся, даже не смел мечтать, что вот так одни в степи встретимся! – сказав эти слова, он тоже покраснел и пожалел, что разоткровенничался.

Аркан натягивался сильнее. Краска на лице Тойсу сгущалась.

– Надо его отпустить. Теперь он мне не нужен, – тихо произнесла она.

– У тебя в колчане стрела-нож есть? – спросил он.

– Есть, возьми, – вновь очень тихо промолвила она.

Он снял с чехла её лук, из колчана вынул нужную стрелу и, отъехав в сторону на тридцать шагов, выстрелил. Петля была перебита у самого рога сайгака, который рванулся вперёд и помчался дальше. В следующий момент Жабайхан, подъехав к месту освобождения пленника, свесился с седла, поднял с земли стрелу, затем, вновь приблизившись к Тойсу, отдал ей лук и стрелу.

– Откуда ты знаешь меня? – поинтересовалась она.

– Люди смотрели на алты-бакан, а я – на тебя. С тех пор болен тобою, неизлечимо болен... – признался он, густо краснея. Глаза его увлажнились, губы подрагивали, и голос задрожал.

– Ты глуп, ещё и бредишь. Знаешь, кто я?

– Знаю. Ты – сноха бахадура, жена молодого нояна...

– Больше не смей ляпать глупости! А то тебя к хвосту дикой лошади привяжем. Ладно... Мне пора. – Она, бросив конец аркана на землю, развернулась и поскакала туда, откуда появилась. Впереди неё на горизонте показалась группа всадников – свита, оставшая от неё, не выдержав темпа погони за сайгаком.

Не испытывая терпения читателя, скажем сразу, что с этого дня ещё один человек в этих краях был поражён в самое сердце стрелой Амура. Им была Тойсу, а метким лучником оказался Жабайхан. Обычно, когда желания совпадают, влюблённым остаётся искать и находить время и место встречи, наслаждаться изливанием сокровенных чувств друг к другу и думать о совместном будущем. В случае же двух новоявленных Козы и Баян²⁵ исхоженные прежде бесчисленными проходчиками общеизвестные тропы сердечных страдальцев для них были закрыты наглухо. Причины тому веские: замужество Тойсу, которая будет верна мужу, унижительное положение Жабайхана, слуги-скотника, и принадлежность её теперь к племени завоевателей, а он – на стороне побеждённых.

В тот день, после встречи с Жабайханом, она уехала потрясенная. Много раз она слышала признания в любви разных молодых людей, и, слава небесам, слух её к ним привык. Сильно и приятно удивил её этот молодой человек с первого взгляда, ещё до того, как он начал разговаривать с нею. Ощущение у неё в тот момент было такое, будто бы её обдало сильным жаром, отважное сердце (она о себе всегда думала так) сильно и громко застучало, потом по телу разлилась

²⁵ Персонажи казахского эпоса.

какая-то слабость. Всё, что она делала и говорила рядом с ним, происходило произвольно. Затем состояние беспомощности быстро сменилось сильным страхом, который и подсказал ей: «Беги! Беги с этой заколдованной поляны!»

– Не удалось догнать. Айда домой! Устала, – коротко ответила она на вопросы своих спутников о сайгаке. Она молча ехала быстрой рысью впереди остальных охотников и всё время испытывала само собою возникающее желание вспоминать и держать перед глазами его лицо, руки и движения, слышать голос. Она старалась остановить работу воображения, чтобы соблазняющие её картины не появлялись, но они возвращались, погружая тело и душу в блаженное состояние. «Тфу! Чтоб он сгинул! Как жаль, что я ещё очень молода и не опытна, не знаю, что нужно делать в таких случаях, чтобы не думалось», – в сердцах ругала она себя.

Но дневное происшествие и возникшее из-за него смятение души продолжали занимать её и остаток дня, и весь вечер.

– Чем ты озабочена? Случилось что-нибудь? – спрашивал её Максаржаб.

– Кажется, я перегрелась на солнце. Ничего, пройдёт, – ответила она ему. Впервые за короткую супружескую жизнь она ему сказала неправду. В ту ночь она намеренно горячо принимала ласки мужа, желая забыть, что её беспокоит, изгнать из сознания шальные мысли о незнакомом молодом человеке. Нет, нет, она любит мужа и будет верна ему навеки!

* * *

Как только она, обозвав его «глупым», ускакала от него к своим, отвергнутый и униженный Жабайхан заплакал. Конь под ним немного постоял на месте, затем, не дождавшись управления, двинулся шагом туда, куда направлялся весь табун. Когда пастух пришёл в себя, лошади уже толпились вокруг колодцев, некоторые, мучимые жаждой, били копытами пустой деревянный желоб. Он слез с коня, взялся за кауга²⁶ и, не останавливаясь на отдых, черпал воду из колодца, лил и лил её в длинный желоб, пока последняя скотина не напилась и не отошла пастись.

Он стал угрюм и молчалив, ночи проводил, сторожа лошадей. Домой возвращался под утро и, попив кумыса, закусив куртмом или иримчиком²⁷, уединялся в затемнённой маленькой юрте, поставленной для детворы. Выходил оттуда только к полудню, брал пасущегося вблизи коня и, оседлав его, на нем же отправлялся к колодцам, чтобы снова поить лошадей. Вторую половину дня он также проводил в той маленькой юрте, а ночью отправлялся в степь пасти лошадей. В такой круговерти дни шли за днями.

Родители заметили, что сын заметно похудел, расстроен чем-то, переживает о чём-то и, кажется, ожесточился душой. Кто мог его так обидеть? Может быть, переживает за раненого отца? Но ему сейчас уже хорошо: колотые пикой лёгкие заживают, кровохаркания нет, лихорадки прекратились, сломанные ребра уже срослись. Может, сыночек неудачно влюбился в кого-то? Не мудрено, ему уже восемнадцатый пошёл. Если бы не война и болезнь главы семейства, за хороший калым можно было бы сосватать за него достойную девушку.

– Однако, отец, ты поговори с ним, узнай, в чём дело, – сказала мать юноши мужу своему. И такой разговор между ними состоялся в тот же день.

²⁶ Ведро, ручка которого вдевается в петлю на конце длинного шеста.

²⁷ Сушёные продукты из сваренного молока.

– Сынок, ты осунулся, плохо ешь. На одном кумысе, сушёном курт-иримчике ты не сможешь нормально расти и хорошо сложиться как мужчина. Я вот утром зарезал барана, мать скоро подаст бешбармак. Отныне у нас каждый день на обед будет мясо с бульоном. Мы, мужчины, теперь должны нормально питаться, сил набираться...

– Почему только «мы, мужчины, теперь должны хорошо питаться»? Другие – мама, братишки и сестра, например, – могут и плохо питаться, когда мы, двое, будем наедаться ежедневно? Так, что ли? – огрызнулся Жабайхан.

– Сынок, ты правильно обратил внимание на подкладку моих слов. Похоже на то, что скоро нашему народу понадобится сила мускулов и стойкость души его мужчин...

– Отец, говори конкретно! Что ты имеешь в виду? Что тебе известно о наших братьях на западе и юге Казахстана? – загорелись глаза у юноши.

– Тише... Это тайна. Братья наши с запада мне кое-что передали...

– Когда начнём действовать?

– Ещё рано. Потом сообщат, когда и как... Но об этом никому ни слова! Даже маме. И никаких необдуманных поступков не совершай. Ясно?

– Ясно, отец!

– Теперь скажи, почему ты изменился в последнее время? Только начистоту. Ты знаешь мой характер. Не потерплю, чтобы меня обманывал мой родной сын.

И он узнал о сердечной ране своего чада, посидел молча некоторое время, потом промолвил:

– Уграздило же тебя влюбиться в замужнюю женщину. Нехорошая это доля для мужчины... Скверный случай... Я тебя прошу, возьми себя в руки, разберись в своих чувствах. Всё же, должно быть, это у тебя преходящая увлечённость юного сердца. Она пройдёт, когда встретишь другую красавицу. Я её сосватаю. Ничего, нам не откажут, казахи в этих краях меня знают... А ту забудь. Замужняя она, пойми! Пожалей и не позорь её и род наш. Будь мужчиной, а не кобелем. И запомни: в наше время первейшая забота мужчины-казаха – это быть преданным воином своей родины. А юбочные и свадебные дела – это для него должно быть третьим-пятым... Пойдем есть мясо.

Сколько ни силился, Жабайхану не удавалось забыть Тойсу. Он часто думал о ней, видел в воображении своем. Эти чарующие картины, как колдовство, как дым дурман-травы, погружали его в сладостное состояние, расслабляли волю, мешали ему сосредоточиться на хозяйстве, уводили в мир грёз. Ночью он засыпал поздно, с мечтою о новой встрече с нею.

* * *

Тойсу тоже заболела Жабайханом: воспоминания о нём возникали часто и сами собою. Её пугало, что размышления эти были приятны и соблазнительны. Даже ночью, когда муж ласкал её, она воображала себе того паренька вместо Максаржаба, и это немного утоляло тоску по нему! В такие минуты она испытывала глубочайший стыд за непристойные мысли свои и тихо шептала слова молитвы: «О Тенгри, прости и спаси нас!» Шёпот её слышал муж и спрашивал, что с нею. «Молюсь. Мне стыдно, что мы вот так часто предаемся... близости. Однако вижу, что это тебе интересно, поэтому я покорна...» – отвечала она. За эти слова преданности и готовности её жить для него он награждал её снова ласками и нежностью. От этого стыд, мучающий её, только усиливался. Теперь она стала

бояться сновидений и болезней, сопровождающихся (по рассказам людей) бредом, когда человек может непроизвольно выдать свои тайны.

Из-за опасения случайной встречи с Жабайханом она перестала выезжать в степь на охоту и на осмотр табунов. Купаться к реке и на прогулки по лугам выходила только в сопровождении многочисленной свиты. Днём всегда старалась быть рядом с Максаржабом, а когда он уезжал из аула по делам, под разными предложениями держала при себе кого-нибудь из взрослых домочадцев. Разговоры с этими людьми отвлекали от воспоминаний и греховных размышлений о мало-знакомом молодом человеке.

Однажды её все же соблазнила мысль ещё разок увидеть Жабайхана и даже поговорить с ним о чём-нибудь и быстро уехать. Поговорить и уехать! Ей казалось, такая встреча убедит её в обычности этого парня и поможет ей освободиться окончательно от странного наваждения. Благо, встретиться с ним особого труда не составит, так как он по-прежнему пасёт лошадей в тех же степях Сартау-Кума, где может проезжать всякий, значит и она тоже. Оказавшись там наедине с ним, даже можно будет попросить его напоить и переседлать её лошадь. Но тут же она сообразила, что встреча такая чревата опасными последствиями для неё. Кто знает, что она может рассказать ему, не совладав с собою, и на какие поступки может решиться он. «Он такой смелый и волевой, что напор его слов и чары взгляда трудно будет выдержать...» Нет, нет! Надо как можно скорее уехать подальше от тех мест, где он, чтобы, не ровен час, её туда не занесло шальным ветром. Вскоре она сказала свекрови, что хочет повидать летние прелести долин Ала-Тау, где она ещё не была ни разу.

Выполнить любое желание Кажскелен был рад каждый в роду Лодойдамбы. Вскоре аул бахадура перекечевал в урочище Талгар.

* * *

А Тойсу продолжала бороться с собою. Она понимала, что у неё чувство к Жабайхану глубокое, сильное. Теперь ей известно, что такое любовь, а явилась она к ней очень некстати, сама по себе, как кара небесная. Бороться с этой напастью нужно бы решительно, но уже ясно, что это нелегко и даже невозможно. Пройдёт ли она? Если да, то скоро ли? И как, как избавиться от бердящего душу образа любимого человека и при этом не выдать свою тайну никому; чтобы никто не только не узнал, но и не подозревал, что творится у неё в душе. Манеры, поступки, настроение, занятия, прихоти, отношение её к мужу – всё-всё это должно выглядеть естественным, не возбуждающим ни малейшей тени подозрения на происходящую в ней борьбу между разумом и страстью. За эти дни она быстро взрослела, приобретая изворотливость ума, находчивость, хитрость, а также способность быстро и незаметно для других меняться. Канула в Лету искренняя, совестливая, не имеющая сокровенных тайн от мужа, беззаботная – счастливая Тойсу. Теперь это была актриса, которая изображала прежнюю беззаботность, когда внутри у неё разыгрывалась драма, кипела борьба желаний и запретов. Тойсу постоянно была начеку, научилась бдительности и осторожности, а когда надо, могла и слукавить. Она играла роль молодухи из рода степного аристократа, беззаветно преданной мужу, удачно устроившей свою жизнь. Она понимала, что, полюбив Жабайхана, изменила мужу, и за это она противна самой себе. И слава Тенгри, что люди в неведении! Но как она может быть виновата в том, что к ней

пришла любовь? Она её не искала и не желала вроде бы. А та пришла сама, теперь приходится бороться с нею. Может, она виновата в том, что плохо борется, слаба духом, не может выкинуть из памяти Жабайхана? Да, может быть, в этом и состоит её вина, и за это она, наверное, когда-нибудь понесёт наказание, людское или небесное. Пока её утешение в том, что она избегает встреч с ним; та единственная встреча, которая потом смутила её жизнь, произошла случайно.

Так она металась в сомнениях и душевных муках, когда оставалась одна. Как только кто-нибудь из домочадцев подходил к ней, она быстро «смахивала» с лица выражение грусти и задумчивости, становилась приветливой, жизнерадостной хозяйкой дома.

* * *

Прекрасны в летний день долины Талгара. Сама река Талгарка узка и буйна только у подножия снеговых вершин, где ещё холодно даже и знойным летом. Но как только она, покинув скальные теснины, вырывается в широкое русло, пробитое между тёплыми зелёными сопками, шумит меньше и течёт плавно, но все равно быстро. Здесь можно рискнуть перейти её вброд, либо переехать верхом на лошади.

Люди не селятся вблизи горной речки, путники не делают там продолжительных привалов, не устраивают себе ночлега. А всё потому, что непредсказуем нрав горной речки, которая в случае сильной грозы с ливнем или селя может внезапно разлиться и потечь мощно, смывая и разрушая всна своем пути. Лоддамба распорядился поставить юрты аула на северном склоне пологой возвышенности первой гряды холмов. А на пути к реке лежала ещё одна, вторая, цепь сопков.

Места эти были очень богаты буйно разросшимся разнотравьем по поясу, а то и по грудь человеку, непролазными зарослями кустарников, берёзовыми колками и даже сплошными густыми лесами хвойных и широколистных деревьев. Места эти кишели зверями и пернатыми разных видов. Охоту на них нужно устраивать по-особенному, вовсе не так, как это делается в степях или на озёрах. Дело это интересное и довольно опасное: можно заблудиться, упасть в расщелины скал, угодить под камнепад, нечаянно оказаться на пути стрел или пуль другого охотника, испытать когти или зубы хищников.

Любители охоты теперь ежедневно отправлялись в леса и горы, расположенные вдаль от аула, и возвращались домой к вечеру, утомлённые, но весёлые, с богатыми трофеями. Среди них были Максаржаб и Тойсу со свитой. Занятие сие приносило Тойсу отдохновение от назойливых, истошающих душу, известных только ей самой дум и переживаний. Однажды, во время охоты в горах, отдыхая в тени дерева вместе с мужем, она увидела в полста шагах от себя Жабайхана с набитым кекликами ягдташем, с луком и стрелой в руках, взбирающегося вверх по каменистому склону холма. Сердце её забилося, тело похолодело. Она на мгновение растерялась, прижалась к супругу, но быстро взяла себя в руки и сказала:

– Устала. Надоедает мне эта охота. Давай прямо отсюда назад, домой. – Тут же она низко надвинула на лоб белую войлочную шляпу, приподняла к глазам край платка, которым девушки и молодые женщины в степи прикрывают лицо, защищаясь от прямых солнечных лучей и иссушающих кожу горячих ветров.

В тот день они вернулись домой рано. Пока аул находился в Талгарской долине, под разными предлогами она больше не выходила на охоту. А Жабайхан бил горных кекликов по просьбе беременной снохи товарища, у которой развилась болезнь – жерик²⁸: она хотела мясо именно этой птицы. Жабайхан, конечно, знал, что аул Лодойдамбы поселился в Талгарской долине, но вряд ли рассчитывал встретить Тойсу в горах. Возможно и то, что он скрытно наблюдал за супругами и пытался облегчить свои страдания, снова увидев любимую.

Просидев дома три дня затворницей, Тойсу заскучала. К полудню четвёртого дня ей подали оседланного коня, и она вместе с подругой-наездницей и парнишкой-стремянным отправилась к реке, где дети ловят форель. Поднявшись на взгорье, она увидела на берегу Талгарки скопление пеших и лошадей под седлом. Подъехав к ним ближе, Тойсу заметила тело мужчины – утопленника, лежавшего ничком, которого несколько человек «откачивали». Когда того перевернули, она узнала в нём Жабайхана. Он стал подавать признаки жизни. Жалость к нему стрелой вонзилась в её сердце, она громко ойкнула и тут же надвинула шляпу на брови, платок-маску подтянула к глазам. Она быстро оценила ситуацию: вряд ли он пострадал случайно, сейчас люди ему помогут, в её участии нужды нет, будет лучше, если она изобразит просто любопытство.

– Никогда не видела утопленника. Жуть какая! Куда его теперь? – спросила она подругу. Та остановила находившегося поблизости скотника-казаха.

– Отвезём его к табибу Ергали, – сказал тот, – недалеко отсюда. Вон, за теми холмами.

– Уедем поскорей! Не могу больше смотреть на этого несчастного, – сказала Тойсу, разворачивая коня.

Думая о происходящем, Тойсу понимала, что судьба медленно и неумолимо плетёт свои коварные сети. Надо бы разорвать их, но как? Теперь же ей очень-очень хочется уединиться и выплакаться. Но здесь, во всей Талгарской долине, не говоря уж об ауле, не найдётся для неё ни одного укромного уголочка, где она могла бы побыть одна и, вдоволь наплакавшись, испытать облегчение. Везде люди, везде она окружена заботой и защитой сородичей и соплеменников мужа, без них невозможно и шагу ступить...

Она провела ещё два дня, стоически вынося душевные муки, усилившиеся из-за неведения, что же с Жабайханом. Очень хотелось ей проведать у людей хоть что-нибудь о нём, но не могла сделать этого. Боялась, вдруг обнаружится истинная причина интереса её, если она начнёт расспрашивать подробности происшествия на реке. Ей теперь казалось, что она под подозрением, имеются глаза и уши, которые следят за нею. Может, она зря опасается, на самом деле чести и достоинству её ничего не угрожает, а история с Жабайханом – несчастный случай?

Она устала от постоянного самобичевания и непрекращающейся борьбы со страстью.

На следующий день обнаружилось, что любимая борзая Максаржаба перестала принимать пищу, лакать шалап²⁹ и воду, лежала на боку, часто-часто дышала, шерсть у неё сделалась мокрой и свалылась. Самого Максаржаба и Лодойдамбы в ауле не было. Для осмотра собаки были приглашены взрослые мужчины из

²⁸ Вкусовые прихоти беременной – разновидность токсикоза, который можно излечить, только съев желаемое.

²⁹ Разбавленный водой бульон или айран.

соседних юрт, но они оказались беспомощны. Только один из них предложил обратиться к табибу Ергали. Тойсу сразу сообразила, что ей предоставляется хороший шанс побывать там, где может сейчас находиться Жабайхан. Она заговорила с мужчиной.

– Сами же говорите, что табиб пользует людей. Вы мне найдите такого, который собак лечит.

– Милая госпожа Кажскелен, в округе такого нет. Остаётся только этот табиб надо обратиться к нему...

– Положите борзую в повозку, туда же пару крупных овец, – дала команду Тойсу. С собой она взяла пригоршню русских серебряных монет.

В юрте целителя Жабайхана не было. И нигде не было. Большую собаку Тойсу оставила у табиба для лечения. Через неделю её, выздоровевшую, забрал домой сам Максаржаб.

Тойсу, как и прежде, продолжала играть роль любимой всеми, беззаботной, счастливой снохи знатного дома.

* * *

Мать Максаржаба стала жаловаться на боли в суставах. Табиб посоветовал ей лечиться водами Алма-Арасана. Ради этого аул Лодойдамбы переселился ближе к знаменитой лечебнице. Тойсу ежедневно возила свекровь на горячие ключи. Там для неё заранее была поставлена кибитка, в которой она под контролем снохи, с помощью служанок принимала ванны, сидя во вместительной деревянной бочке. Желаящих лечиться оказалось очень много, у источников за водой выстраивалась очередь. А большинство больных были люди пожилые, убогие и калеки, опирающиеся на палки. Встречались и молодые, с перевязанными ранами на теле, иностранцы-страдальцы, говорящие на непонятных для местных языках. В один из таких дней она у главного родника увидела Жабайхана, стройного, сильного, набирающего воду в большие вёдра. Огромных сил стоило ей не броситься обнимать его. В душе она ликовала: «Жив он! Жив и хорошо выглядит!» От радости ей захотелось петь и плясать, рассказать людям, как ей сейчас легко и хорошо! Но в следующий же миг, став снова осторожной, она посмотрела в сторону служанки, стоявшей в очереди, и, увидев её усталый вид и безразличное отношение к окружающим, успокоилась, затем вновь устремила взгляд на Жабайхана. Только сейчас она поняла, как он дорог ей! Как чудесно жить на свете, ведь можно будет видеть его хотя бы иногда! Ей очень хотелось, чтобы он прошёл мимо и посмотрел на неё, сказал какое-нибудь слово. Она, нагнувшись, подняла с земли камешек, приготовилась бросить его в ведро Жабайхана, незаметно для других. Пусть этот её намеренный шальной поступок забавляет его. Но Жабайхан со своей ношей пошёл в другую сторону. Она провожала его взглядом, пока Жабайхан не подошёл к небольшой брезентовой палатке, возле которой сидел пожилой мужчина, опершись на палку. В следующий момент оба вошли в палатку и долго оттуда не выходили.

У Тойсу разыгралась фантазия. Она уговорила свекровь принимать ванны в ночное время, когда нет толпы грязных, покалеченных людей у источника. Отныне они днём находились в ауле, на ключи приезжали вечером на пароконной повозке с провизией и с тёплыми вещами, после ванны оставались ночевать здесь же. Сеансы лечения горячей минеральной водой понравились больной женщине

больше всего тем, что у неё быстро наладился сон, и за это она была благодарна снохе. А Тойсу, наоборот, по ночам не спала и страдала, безрезультатно пытаясь придумать способ встретиться с Жабайханом. На то, чтобы прийти к нему в палатку, у неё не хватало смелости. Все же в одну из ночей она приблизилась к заветной обители и кинула камешек в приоткрытый полог. Вскоре оттуда вышел человек и уверенно направился в её сторону, будто давно ждал этого сигнала и знал место свидания. Охваченные любовной страстью души их позволили им узнать друг друга в кромешной тьме без слов. Она молча приникла к его груди и беззвучно рыдала, а он, крепко обняв и целуя в губы Тойсу, хотел унести её в палатку, но она ему сказала: «Стой! Не надо! Мы не должны больше видеться. Наверное, я скоро погибну. Если хочешь, чтобы я ещё пожила, завтра же уезжай отсюда! Живи и женись скорее!» – И, ловко выскользнув из его объятий, она бесшумно исчезла в темноте.

Древнее безмолвное урочище Алма-Арасана, свидетель веков, сокрыло тайну и этой ночи. Пятачок, где ещё вчера вечером стояла брезентовая палатка, утром уже был пуст. Через два дня снялась и кибитка свекрови Тойсу.

* * *

Аул Лодойдамбы готовился к перекочёвке в сторону Аяк-Калкана. За лето тамошние поля и холмы, отдохнув от людей и копыт животных, оделись густым травяным ковром. Там снова было хорошо и привольно.

Максаржаб боготворил Тойсу, называя её, как и родители, Кажскелен, пылал любовью и нежно относился к ней. Когда он находился в ауле, старался быть всегда с нею, запретил домочадцам заходить в свою юрту без приглашения, чтобы те не мешали его уединению с женой, слуг предупреждал, чтобы гостей сюда не пускали, а устраивали в гостевую. Для него настоящим праздником были выезды вместе с Тойсу на охоту, прогулки верхом, посещение различных торжеств, алты-бакан в соседних аулах.

В отношениях Тойсу к Максаржабу внешне тоже ничего не изменилось: она выглядела любящей, преданной, скромной женой, а с родителями его была почитательной, милой снохой. Но в минуты уединения она с волнением вспоминала Жабайхана, себя считала слабовольной жертвой коварной судьбы, сделавшей из неё преступницу, крепилась, чтобы больше не поддаваться искушению и всю оставшуюся жизнь искупать вину свою пред совестью и мужем воздержанностью от шальных поступков.

* * *

Аяк-Калкан напоминал Тойсу родину – Алтай, и она вспомнила родителей своих, живущих там. Она скучала по ним. Ей хотелось туда поехать. И обрадовалась, когда нашёлся повод съездить туда. В свои планы она посвятила вначале Максаржаба, затем свекровь, которые горячо одобрили её.

Посланцы, снаряжённые Лодойдамбой, прибыли в аул отца Тойсу и передали ему привет от дочери, зятя и сватов, которые соскучились и хотели бы повидаться. Был назначен день приема гостей из Семиречья.

В это время по степи поползли слухи о том, что на западе, недалеко от реки Ирғиз, дружины казахов и тамошних джунгар сошлись в вооружённой схватке. С обеих сторон пало много воинов. Казахи, проиграв сражение, отступили к

Шалкару. Подробности этого столкновения хорошо знали Лодойдамба и его нояны и были довольны тем, что на завоеванных территориях власть их прочна. Казахи же Семиречья, оплакав поражение соплеменников на Иргизе, делали вид, что политикой не интересуются, заняты житейскими делами, которые, благодаря миру в их краях, идут всё лучше, и за это слава Создателю.

В начале первого осеннего месяца в аул алтайских сватов с богатыми дарами прибыл караван из Аяк-Калкана во главе с самим Лодойдамбой. Погостив с неделю здесь он вместе с женой и свитой отбыл обратно домой. Тойсу с Максаржабом остались.

В те годы на берегу Зайсана жил один шаман, который был известен на Алтае и в Сибири не только как лекарь, но и своими загадочными способностями читать мысли, управлять намерениями и поступками и предсказывать судьбы людей, предвидеть события и даже общаться с потусторонними силами. Однажды Тойсу во сне получила приглашение от этого человека. Она о своём сне шёпотом рассказала старшей снохе, которая остолбенела, закусив губу, и пребывала в таком состоянии некоторое время, затем призналась, что ей тоже было видение: шаман хочет, чтобы она к нему привела Тойсу.

Провидец-лекарь принял Тойсу одну, без снохи, в своих внутренних покоях. Обросший, одетый в кожаные одежды, с покрасневшими от бессонницы глазами, он предложил ей сесть на обрубок пня, находящегося в трёх шагах от него. Присев, она молча ждала, что будет дальше. Он заговорил.

– Год назад на охоте в горах ты спасла мальчика от верной смерти. Это был мой внук. Хочу ответить добром на добро. Муки твои мне известны. Даю тебе отворотное зелье, попей его семь дней. Возможно, я тебе ещё раз приснюсь, но лучше, чтобы этого не случилось.

* * *

Полтора месяца прожила Тойсу в родном доме. Успокоенная и остепенившаяся, она вместе с мужем вернулась в Семиречье только поздней осенью, когда бахадур ставку свою перевёл на зимовье в Сары-Озек.

Прекратились шумные сборы и гулянья молодых на алты-баканах, именинах и ярмарках, откладывались на лето свадьбы и иные праздники. Связь между аулами, расположенными на отдалённых друг от друга зимовках, осуществлялась через гонцов, которые привозили и увозили с собою письменные или устные сообщения ноянов друг другу. Максаржаб и Тойсу не занимались хозяйством или политикой, посему им было скучно. Возникший застой в их жизни расшевелила погода: в начале первого месяца зимы выпал снег, холмы и равнины Сары-Озек по ночам сковывали сильные морозы. Супруги занялись сундуками: перебирали и примеряли зимнюю одежду и обувь, решали, какую обновку нужно заказывать мастерам – портным и обувщикам для новой зимы.

Тойсу манили снежные просторы со следами птиц и зверей. Хотелось выехать на охоту в сторону Баканаса.

Слуги на двух пароконных санях, гружённых провизией, палатками и попонами, и стремянные верхом на лошадях заблаговременно уехали на место привала готовить обед. Сами охотники, спозаранку выехав в безлюдные места дальней степи, стали искать следы волков. Попадавшиеся на пути зайцы и лисы в этот раз их не интересовали: нельзя было тратить часы и без того короткого дня на мелких зверей, утомлять лошадей ненужными скачками. Однако волчьи следы

не обнаруживались. В полдень охотники повернули к месту дневного отдыха. Пообедав сами, покормив лошадей доброй мерой овса, дав им поесть снегу, они снова собрались было искать следы зверей, но старший среди них, многоопытный Хатон-Батор обеспокоился видом серых туч на северо-западном горизонте. Он, поглядывая на свой хронометр, сказал:

– Душа наша, Кажскелен! По всем признакам скоро начнётся буран. Дом наш в Сары-Озеке сегодня мы не увидим, это точно. До зимовья нояна Амураси тоже далеко. Нам остаётся быстро добраться до камышей озерца Тоган, что отсюда в двух часах езды хорошей рысью. Там и переждём непогоду.

Буран длился трое суток. Для жунгар ненастье – явление обычное, им не привыкать к вьюге. Они усердно заботились о Тойсу и лошадях.

Ветер утих, небо очистилось от туч, но снегу вокруг озерца было по колено, местами даже по пояс.

– Ничего, ничего! Его много намело только в укромных местах. А там, где мы будем проезжать, порядком сдуло, кони вполне могут бежать вскачь, в полный мах, – воодушевлял всех Хатон-Батор.

Полдня они добирались до зимовья нояна Амураси, задержались здесь двое суток, давая отдых себе и лошадям, пополнили запасы провизии и овса, затем отправились в сторону Балхаша в поисках звериной стаи.

На снегу были отпечатаны свежие следы семи волков, которые, по мнению Хатон-Батора, проголодавшись, отправились искать большое мясо: кабана или скот. Охотники помчались рысью.

– Ходу! Быстрее! Хищники почуяли запах животных! – раздалась команда предводителя.

Когда всадники вылетели на холм, перед ними открылась равнина, где жеребцы с громким ржанием собирали лошадей в косяки, а с соседней высоты с криком мчался к ним одинокий всадник – табунщик, вооружённый длинным шестом. Волки, разинув пасти, бегали вокруг сгрудившихся животных, выбирая жертву среди них. В следующий миг они, увидев скачущих с двух сторон людей, оставили табун и кинулись врассыпную туда, где вдали виднелись курганы. Шестеро охотников погнались за ними. Табунщик оставался со своим скотом.

Бешеный галоп по мягкому снегу продолжался уже минут десять. Ветер се-докам охлаждал лицо, но азарт охоты будоражил им кровь, горячил тела, одетые в дубленые штаны и шубейки. Кони под ними, вспотев, стали разгоняться все быстрее. Местами, угодив в сугробы, волки теряли скорость. Их настигал приближающийся топот копыт.

– Цельтесь в подбрюшье! Не портьте шкуры зазря! – кричал Хатон-Батор. В следующий миг, он, свесившись с седла, низом выпустил несколько стрел. Остальные охотники тоже выстрелили. Шесть волков упали. Только одна волчица, коротко завыв, продолжала бежать.

– За нею! Нельзя её отпускать! Будет мстить аулам! – вновь закричал Хатон-Батор.

В табунщике Тойсу узнала Жабайхана, причём не зрением, так как расстояние, отделявшее её от одинокого, одетого по-зимнему всадника было не меньше версты, а сердцем, которое внезапно застучало так сильно, как это бывало с нею все минувшее лето, когда она мучилась тоской по нему. Неужели всё начинается опять? Ведь вроде бы это осталось позади, даже стало забываться, принося душе успокоение? Почему он постоянно попадает на её пути?! Почему не уймётся эта колотящаяся

плоть в её груди, что ей нужно? Умом-то она понимает, что. Но она замужем за хорошим парнем, которого выбрала сама, горячо любима им, но в то же время она любит другого, а это стыд и срам, непонятно совсем и грешно очень, и хуже некуда! Потому что греху такому не может быть ни объяснений, ни прощения!

«...Почему сердце её не подвластно уму? Не оттого ли всё это, что у неё любовь к Жабайхану настолько сильна, что она не поддаётся укрощению разумом? Чушь какая-то! Неправильно я думаю и нехорошо рассуждаю! Замужняя женщина не может уподобляться мотыльку, перелетающему с цветка на цветок! Так меня воспитывали старшие в семье, по такому закону жили и живут все люди нашего рода...»

«...Наверное, слово «любовь» когда-то кем-то было придумано в корыстных целях, чтобы нарушить житейский порядок ради наслаждений. Затем у выдумщика нашлись последователи, которые стали придавать этому слову мистический смысл...»

«...Однако... сколько прошло времени, как я не могу найти покоя из-за него, и это правда! И в этой правде есть какая-то сила...»

«...Или... бежать с ним в людской муравейник Китая, где можно легко затеряться, или далеко на запад, в сторону Атрау или Мангистау? Нет, не получится. Поймают и предадут позорной казни: его привяжут к хвосту дикой лошади, а род изведут, её забьют камнями...»

Когда она летела на лучшем скакуне Семиречья за стаей волков, она об охоте и не думала, она хотела смирить свое сердце, которое не слушало никаких разумных слов.

Волчицу добил Максаржаб. Погоня прекратилась. Тойсу сказала Хатон-Батору: – Дядя, вы – герой дня! Шкуры снимут без нас. Айда вдвоем галопом к саням нашим! Мне хочется ещё поскакать.

– Пусть будет по-твоему, бесценная наша Кажскелен! Сегодняшняя удачная охота – это твоя заслуга. Ты нас вдохновляла. Эй, вы! Управляйтесь сами, да не мешкайте! – И она вместе с нояном помчалась, полетела подальше от опасного для неё поля, где память воскресила дни и ночи, полные душевных мук, тоски по Жабайхану.

Все вернулись домой. До середины зимы Тойсу на охоту не выезжала. На приглашение мужа съездить на Балхаш, на промысел рыбы и пушнины³⁰, ответила отказом. Она была вынуждена стать затворницей, ибо появление на людях, поездки на охоту почему-то вызывали у неё воспоминания о Жабайхане и усиливали тоску по нему, а это пугало её. Ей казалось, что следующая встреча с ним может обернуться позором и крахом для неё...

Ухудшение её настроения после охоты на волков было замечено Максаржабом. На его вопросы о том, что с ней, не виноват ли он в чём-то и как её развеселить, она ответила откровением:

– Знаешь, как было бы хорошо жить нам в ожидании появления наследника! Почему я не зачинаю ребёнка? Может, этому мешают мои скачки по горам и по долам? Давай, я теперь меньше буду ездить верхом!

Однако домоседство не принесло ей успокоения. Наоборот, оно больше прежнего располагало её к воспоминаниям и размышлениям, и все они касались Жабайхана. В такие моменты она становилась противной самой себе, мрачнела лицом, злилась, что нет сил забыть его. Тогда она стала выезжать на подлёдную рыбалку на Или на санях с небольшой свитой.

³⁰ Добыча отправлялась на ярмарки в города Сибири.

В это время в городке Алмалы открылась традиционная зимняя ярмарка, которая славилась богатством и разнообразием товаров, разноликим и разноязычным многолюдьем, шумными развлекательными затеями бродячих актёров. На этой ярмарке побывала и Тойсу. Здесь она случайно встретила свою землячку – девушку с Алтая и через неё передала снохе своей привет и просьбу сходить к шаману; зачем, для чего – этого она не сказала. В тот же день у одного из торговых рядов она встретила и узнала молоденькую казашку, которая летом на её свадьбе вместе с певцом сняла вуаль с её лица. Они обнялись. Тойсу была поражена тем, что бедновато, но со вкусом одетая девушка была поразительно красива и с приятными манерами. Звали её Салима. Тойсу сказала ей:

– Дорогая ты моя! По обычаю предков я имею право обратиться к тебе именно так и претендовать на дружбу с тобой. Сколько тебе лет?

– Столько же, сколько тебе.

– Очень-очень хорошо! Где ты живёшь?

– В урочище Узун-Агач.

– А я – на Сары-Озек. Золотце ты моё, приглашаю тебя в гости к себе. Завтра же пошлю за тобой подводу. Приезжай с мамой, подругой и, если есть сноха, её тоже возьми с собой. Непременно приезжай. Уже скучаю по тебе, жажду наслаждаться в обществе твоём!

Появление Салимы со своей небольшой свитой в ауле Лодойдамбы стало для Тойсу настоящим праздником. Она поняла, как дорого, как много значит для человека каждодневное общение со своими соплеменниками на родном языке. Ей казалось, с тех пор как появились в доме эти казашки, нескончаемые, с утра до вечера, разговоры с ними обновили её, будто бы вселилась в неё незнакомая доселе сила, которая делает её полновластной хозяйкой всего аула. А ведь раньше дела житейские её совершенно не интересовали. Она теперь вникала в дела дома Лодойдамбы, стала принимать слуг и челядь у себя, давать им поручения, слушать их отчёты. Поразительнее всего было то, что ей захотелось подробно узнать об истории рода своего мужа, о сородичах его, самой взять на себя заботу о них, потому как с этим справится только она, а не ленивый Максаржаб или стареющий бахадур со своей больной женой. Те удивлялись перемене, происходящей в Тойсу, во всём соглашались с нею, даже были рады, что наконец-то в их доме появился человек, который в будущем может стать «твёрдой рукой», способной сохранять и приумножать богатство и славу одного из древних родов Джунгарии. Но умной Салиме показалось, что в поступках Тойсу есть какая-то неестественность, что она чем-то сильно озабочена, какая-то тайна гложет её.

В один из вечеров Тойсу спросила Салиму, почему она не замужем. Оказалось, что по старинному обычаю ещё в детстве её сосватал за своего малолетнего сына друг отца. Дальше нареченным сватам оставалось ждать достижения детьми брачного возраста – шестнадцати лет. Вскоре случилась война, и отец жениха со своим родом бежал на запад. Что с ними случилось, не известно никому до сих пор.

– Но сколько должна ждать Салима суженого, который не подаёт о себе вестей?

– До достижения ему семнадцати лет, а это будет в начале весны, – объяснила мать девушки.

После проводов гостей для Тойсу снова начались скучные, полные тревожных мыслей дни. Тлеющий в душе уголёк, известный только ей, название которому – её чувство к Жабайхану, не давал ей покоя. Уверенная, что он тоже страдает и

сохнет по ней, и, не видя возможности соединиться с ним, она жалела его больше себя. Постепенно у неё назрел план женить его на Салиме. Она была уверена, что та согласится с её выбором. Оставалось придумать способ познакомить их друг с другом. Если же Жабайхан не захочет жениться на ней, тогда она ему прикажет сделать это, и он подчинится её воле. Она знает, что имеет беспрекословную власть над ним, которая возникла с первого момента их знакомства, сама по себе. Он будет слушаться её пуще отца своего...

«...Что, Салима не достойна его, что ли?! Достойна, ещё как! Когда они поженятся, возможно, меня меньше будет тянуть к нему, или тяга эта исчезнет вовсе. С ним наверняка произойдёт такая же перемена по отношению к мне. Если она ошибается, и с женитьбой Жабайхана взаимная любовь их не погаснет, то всё равно брачные узы, которыми будет скован он, наверняка погасят опасный огонь...»

«...Дорогой ты мой! Как плохо, что мы не можем быть вместе! Только сердцем и душою мы принадлежим друг другу, и об этом знаем лишь сами, только в этом будет наше утешение. Отныне я буду заботиться о тебе на расстоянии и всегда, и это станет приятным занятием для меня...»

* * *

Настала весна. К концу первого месяца восточного нового года в степи снег растаял полностью. Тойсу снова пригласила Салиму к себе в гости. Чтобы та меньше уставала в пути, она для неё отправила с послем оседланного отборного иноходца под шёлковым чепраком.

– Надо поздравить жителей аулов степи с новым годом, заодно узнать, как дела у наших скотников, как перезимовали табунщики, какие имеем потери поголовья, – обратилась она к Лодойдамбе. Тот согласился с нею. На другой день она с Максаржабом, Салимой и с тремя стремянными отправились в сторону Баканаса, оттуда путь их лежал на Сартау-Кум и Балхаш.

Встреча их с Жабайханом произошла в степи, где паслись табуны лошадей. Улучив момент, Тойсу шепнула мужу:

– Подруга имеет виды на этого парня. Ты со стремянными поезжай вперёд, а я познакомлю их друг с другом.

– Молодой человек, прошу рассказать девушке о прелестях весенней степи, это – раз. Второе, ну-ка, поближе сюда.

Когда он поравнялся с нею, тихо сказала:

– Приезжай вечером на стойбище Хатон-Батора. Мне есть, что тебе сказать...

У Жабайхана, имевшего до этого кислый вид, загорелись глаза. Тойсу, тут же дав коню шенкеля, поскакала догонять мужа. Через полчаса к ним присоединилась Салима. Она влюбилась в табунщика с первого взгляда.

Когда поздний ужин заканчивался, один из конюхов нояна, заглянув в гостевую комнату, тихо сообщил:

– Салиму-бикеш хочет видеть какой-то всадник.

Тойсу посмотрела на Максаржаба, тот, улыбнувшись, кивнул головой. Девушки вышли из дома. И в этот раз огонь любви пламенем своим озарял им дорожку: в кромешной тьме они быстро нашли друг друга. Тойсу отвела в сторону Жабайхана и задала вопрос:

– Ты хочешь моей смерти?

– Что ты?! Нет!

– Тогда женись скорее на этой девушке! Она любит тебя! Не откладывай! Одно твоё слово согласия, остальное сделаю я сама: калым выплачу и свадьбу устрою.

– Но нет у меня в груди горения к ней, ты будешь стоять между мною и ею всегда...

– Ради меня жертвуй своими чувствами ко мне...

– ...

– Чтобы утром она мне назвала день твоего сватовства! Ясно?! Я хочу погулять на твоей свадьбе.

Потом она усталым голосом сказала:

– Как плохо, что люди делятся по крови и вере и делят земли подлунные на «МОИ» и «ТВОИ».

В темноте они не видели слёз друг друга.

Через день Жабайхан вместе с отцом отправился в аул Салимы сосватать её. К концу второго месяца весны в урочище Узун-Агач состоялась их свадьба. Из-за болезни на ней не смогла присутствовать Тойсу. А Максаржаб приезжал туда со своей свитой, с богатыми дарами, произнёс слова поздравления и гулял до утра. Говорят, что это была воля больной Тойсу. Ещё рассказывают, что в ту ночь ей приснился шаман, который говорил ей следующее: «Страдания твои неизлечимы, ибо они есть предначертание Небес. За грехи души твоей люди тебе не судья, а Всевышний все решит по-своему».

В начале третьего месяца весны аул Лодойдамбы, перекочевав на джайлау, поставил свои юрты в долине Шолак-Каргалы, что находится чуть западнее от теперешнего городка Каскелен.

Состояние Тойсу ухудшалось. Проявлениями её болезни были сильные, повторяющиеся колики в сердце, отдающие в левую руку, а также тяжесть в затылке и пульсирующие боли в висках. Табиб Ергали давал ей пить отвары трав, делал кровопускание, ставил на тело её пиявки. Он за труды свои плату не брал, природу болезни объяснял *«заселением сознания неким образом и трепетом, истощающим сердце»*.

– Что означают ваши слова? – спрашивали его Максаржаб и Лодойдамба. Ответ оказался тоже загадочным:

– Сам не знаю. Я передаю вам только то, что прочёл на поверхности воды в священной чашечке.

Вскоре она скончалась в возрасте семнадцати лет, не дожив ровно месяц до годовщины своей свадьбы. Похоронили её на возвышенности, расположенной недалеко от аула. Были безутешны все джунгары Семиречья, в особенности Максаржаб, Лодойдамба и Хатон-Батор. Им казалось, что погас светильник их пасмурной жизни... Кончина Тойсу принесла горе и в аул Жабайхана. Отец его, закалённый в сражениях воин, крепкий мужчина, узнав о *внешних признаках* недуга умершей, мрачный, уезжал в степь и, уединившись, рыдал, *винил себя в раннем исходе её жизни...*

Как гласит предание, Жабайхан с Салимой тоже много раз приезжали на могилу Тойсу, плакали, обнявшись. В один из таких дней Салима задала вопрос мужу:

– Скажи, что вас связывало? Говори, не кривя душой! Я чувствую сердцем какую-то тайну. – И он рассказал ей все о себе и о Тойсу без утайки и добавил к своему признанию: – Супруга моя, будем же хранителями памяти о ней! – Она ответила ему: – Будем помнить! Теперь ты дорог мне вдвойне!

* * *

После похорон Тойсу, спустя дней десять, от горя скончался стареющий Лодойдамба. Разнесся слух о том, что казахские дружины одержали победу над джунгарскими в долине Улу-Тау. За короткое время из Семиречья тихо, незаметно для посторонних, стали исчезать молодые и средних лет мужчины-казахи. Исчезли и Сайхын с Жумагалием. Люди шёпотом передавали друг другу, что грядёт большая война, ханы трёх жузов собирают войска, скоро начнётся их совместный поход против захватчиков. Вскоре, оставив отары овец, гурты коров, взяв с собою только лошадей и верблюдов, джунгары стали спешно перекочевывать на восток, в сторону Ала-Коля и Зайсана.

Нет нужды пересказывать известные исторические события. Отметим лишь то, что на вошедшем в летопись Казахии Анрахайском сражении состоялся поединок между отцом Жабайхана и Хатон-Батора, который оказался смертельным для обоих. В рядах противостоявших друг другу войск были Жабайхан и Максаржаб. Судьбе было угодно, что они там не встретились и, уцелев на войне, каждый вернулся в свой дом.

Зажатая тисками двух империй – России и Китая, Джунгария доживала отпущенные ей судьбой остатки лет национальной государственности. Гражданами страны овладело глубокое уныние. Максаржаб даже не помышлял о повторной женитьбе, всё время скучал по Тойсу, иногда и бредил ею. Однажды он заявил соплеменникам своим, что хочет иметь могилу жены поблизости от дома, просил друзей помочь ему перезахоронить тело Тойсу в исконной джунгарской земле...

Мой собеседник посмотрел на небо. Близился вечер. Он заторопился.

– Пожалуй, пора покормить собак и направлять отару в сторону дома. Теперь быстренько расскажу тебе окончание этой легенды.

Как только звёзды стали меркнуть и восточный горизонт слегка забрезжил отсветом близкой зари, стоянка путников пришла в движение. В сумерках люди покормили лошадей овсом из торбы, затем повели животных на водопой к протекавшей вблизи речушке и, вернувшись с ними обратно к стану, оседлали их. Вскоре они тронулись в путь. Занимающийся рассвет все яснее освещал процессию, шедшую колонной. Она состояла из тридцати мужчин, вооружённых бес кару. Над головой второго воина, двигавшегося следом за предводителем, возвышался белый флаг. В середине процессии шла двухколесная повозка, запряжённая парой лошадей. Ими управлял молодой воин. А на площадке между колесами находился четырёхугольный продолговатый предмет, покрытый ярко-жёлтым шёлковым покрывалом, украшенным по углам кистями.

Они проехали Джунгарские ворота. Дальше лежали земли Казахии. Горы и холмы предгорья заканчивались, начинались ровные просторы, открытые взорам со всех сторон.

Степь, согретая лучами летнего солнца, дремала. Юрты и стада жителей этого безмятежного полусонного края находились далеко отсюда, к северу, где протекает большая река. В такую жаркую пору года в безлюдной степи обычно не бывает случайных пешеходов или всадников.

К полудню колонна конников, двигаясь по целине, но не поднимая пыли, добралась до излучины маленькой речушки и устроила себе недолгий привал. Они были довольны, что приграничную полосу, где была вероятность столкновения

с дозорными хозяев недружелюбного края, удалось проехать без происшествий. Дальше можно и не остерегаться особо стычек, ибо, когда казахи узнают о непрошенных «гостях» на их земле, вряд ли смогут быстро собрать вооружённый отряд и вступить с ними в бой до того, пока пришельцы не завершат задуманное.

О джунгарах, подъезжающих к могиле Тойсу, аулчанам сообщил случайный путник. Около двадцати молодых парней, срочно облачившись в доспехи, взяв оружие, сели на коней. Среди них был и Жабайхан. Следом за ними на лошадей тронулась группа стариков, чтобы на месте разобраться в происходящем, раскусить людей и предотвратить кровопролитие.

– Люди! Она была моей женой перед миром и верой, я имею хух³¹ увезти её останки отсюда и заново предать их земле моей родины, где я сам живу. Я хочу иметь возможность разговаривать со своей памятью о ней в любое время, стоя у её могилы. Прошу вас, не мешайте, а разрешите исполнить мне в муках выношенное моё желание! Я готов заплатить выкуп золотом! – обратился к подъехавшим казахам Максаржаб.

– Достопочтенный ноян Максаржаб! – выступил вперёд Жабайхан. – Твоё желание исходит из глубины твоей души, и оно понятно мне. Я глубоко уважаю тебя за то, что ты был мужем ей, но мы не можем допустить того, чтобы кто-либо, даже ты, беспокоил её вечный покой!

– Ты сказал: «мы не можем допустить...». Этими словами я поставлен в сложное положение. Что, я должен договариваться с каждым из вас в отдельности? Или выйдет ко мне один из вас, который может взять на себя судьбу нужных нам переговоров и этим облегчить мою задачу?

– Хорошо, я один возьму на себя ответственность за итог нашего разговора. Он краток: ворошить последнее пристанище Тойсу я тебе не позволю.

– Почему ты так рьяно печешься о покое Тойсу?

– Коль ты задал вопрос, откроюсь: я тоже страдалец по Тойсу, любил её издали беззаветно и безнадежно, как видение сказочного мира, куда не было мне доступа, теперь утешаю себя памятью о ней.

В мгновение ока сознание Максаржаба озарилось прозрением: так вот в чем причина загадочных перемен настроения Тойсу, которым она была подвержена, и болезни, сведшей её в могилу!

– Выходит, это был ты, который завладел её душою, приводил её в трепет и истощил сердце замужней женщины! Ты запятнал мою честь. Такое смывается только кровью. Сейчас должен умереть кто-то из нас или мы оба погибнем... Я тебя вызываю! – И он швырнул свой кнут в сторону соперника.

Жабайхан поднял с земли и засунул за голенище сапога метку поединка, затем подошёл к старикам.

– Аксакалы и соплеменники мои! Дайте мне ваше слово, что останки Тойсу не отдадите джунгарам. Сегодня, в случае моей смерти, меня похороните рядом с нею, а джунгарских воинов с миром отпустите домой!

Рядом с ним встал Максаржаб.

– Старики и воины! Дайте мне слово, что сегодня, в случае смерти, меня похороните рядом с Тойсу, а товарищей моих с миром отпустите домой. Если я останусь жив, отдадите мне прах Тойсу, меня и моих товарищей отпустите с миром домой!

³¹ Право.

К месту спора стали подъезжать всё новые группы вооружённых казахов. Вскоре их стало очень много. Седобородые знатоки степных традиций пошептались. Потом один из них огласил приговор.

– Обычаи казахов не допускают раскопки могилы, а она была казашкой. Кроме того, оказывается, перед кончиной она сказала: «Тут и моё последнее пристанище». Останки Тойсу будут лежать здесь. Погибший батыр будет похоронен рядом с нею. Если погибнут оба, то они займут места по сторонам её: Максаржаб – с правой, Жабайхан – с левой. В любом случае после поединка джунгарские воины переедут границу с миром в сопровождении наших дружин.

Жабайхан разделся по пояс, взял бес кару и сел на коня. Максаржаб, сделав то же, взлетел в седло. Присутствующие образовали круг. Начался поединок. Возможности противников были неравны – по ловкости и силе превосходство было у Жабайхана. Атаку пики противника он легко отбил стальным щитом, надетым на левую руку, и тут же ударом курзи переломил древко посередине. Максаржаб, выбросив оставшуюся в руке бесполезную теперь палку-культю, взялся за саблю. Они, сойдясь вновь, управляя лошадьми поводьями и шенкелями, скрестив клинки, закрутились на одном месте. Жабайхан, применив невероятной силы кистевой прием, выбил из рук Максаржаба оружие и при отводе своего им же невзначай или намеренно, – это было непонятно для людей, образующих круг, – задел противнику шею, добивать не стал, отъехал в сторону. А тот, раскинув руки, упал грудью на гриву коня. Примчавшиеся к нему два джунгарских воина сняли его с седла. Раненый, истекая кровью, подполз к могильному холмику, затем с улыбкой на побелевшем лице, из последних сил прохрипел слово «Кажскелен...» и утих.

– Какое слово произнёс джунгар? – спрашивали друг друга казахи.

– Он сказал «Каскелен».

– Но что означает это слово? Звали-то его Максаржаб, а родовой клич их – «Лодойдамба!».

– Может, у него это сокровенное слово, данное ему при рождении, для прощания потом порога Того мира, вроде нашего «имана»?

Они не знали значения этого слова.

Джунгары похоронили Максаржаба рядом с Тойсу. В погребальную яму землю бросил и Жабайхан.

Да, с тех пор прошло триста лет, могилы те не сохранились, но в обиходе нашем осталось слово Каскелен. Удивительно, даже странно иногда рождаются слова, проникают в наше сознание и закрепляются. Я всегда грущу, когда вспоминаю концовку рассказа моего деда, задумываюсь над словами сожаления Тойсу о том, что люди обособляются по признакам крови и веры и делят подлунные земли на «мои» и «твои», утешаюсь решением предков воздвигнуть памятник страданиям влюблённой тройцы одним-единственным словом, которое пережило вот уже три века. Пойдем, возьмём лошадей, уже пора гнать отару домой, – сказал мой собеседник.

Алматы, 2013 г.

